ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БАЛЕТНЫХ НАРОДОВ

Эдуард Бояков

По театральным тумбам двух столиц уже расклеены афиши-близнецы. Но, подойдя поближе, питерцы прочтут о вечерах Большого в Мариинке, а москвичи – наоборот. Официально эта ноябрьская акция называется «обменные гастроли». Стоит на секунду представить сотни футляров с инструментами, сундуков с одеждами, ящиков с декорациями, гримеров с саквояжами, костюмеров со шкатулками, администраторов с ноутбуками... Представить, как эта махина в двух экземплярах снимается с места и начинает движение навстречу друг другу только ради того, чтобы 3 ноября для дирижера в двух державных залах синхронно взмахнули палочками! Не сомневаюсь, что гали, которые такое затеяли и вот-вот осуществят, при необходимости справятся и с закатом солнца вручную.

Один из них, Эдуард БОЯКОВ, генеральный директор фестиваля «Золотая маска», сидит напротив меня

БОЛЬШОЙ И МАРИИНКА: из пункта А в пункт Б, но главное — навстречу друг другу

— Мариинка в Москве начнется со «Спящей красавицы». Совсем не той, к которой все привыкли. Несколько лет назад Сергей Вихарев, питерский балетмейстер, наткнулся в библиотеке Гарварда на русские балетные архивы. Сдунул пыль. Под ней оказалось оригинальное либретто «Спящей красавицы» Петипа, записанное его современниками-хореографами. Графический язык балета за полтора века изменился до неузнаваемости, и сегодня текст смотрится, как шумерская клинопись. Вихарев расшифровал, художники воссоздали по эскизам декорации Всеволжского, подлинный Петипа воскрес на петербургской сцене. Балетный мир раскололся на две половины. Одни утверждали — это чудовищно, другие — это чудо. А эксперты хором назвали «Спящую красавицу» одним из главных событий последних десятилетий в мировой хореографии.

Мы сроднились с редакцией Григоровича и считали ее, ну, может, слегка подредактированной копией работы Петипа. А они оказались друг другу даже не седьмая вода на киселе. Дело не только в длинных пачках, полных руках и бедрах тогдашних примадонн. Иначе — все! Иной состав воздуха, иной ритм дыхания, иной способ мышления. Именно так оценили балет рецензенты Америки и Англии. Надеюсь, что и искушенного московского зрителя это впечатлит не меньше.

— А с музыкой Чайковского там как? Обошлось без сенсаций и метаморфоз?

— Пока обошлось.

— А второй спектакль?

— Второй спектакль — опера Прокофьева «Семен Котко». Очень ангажированное и идеологизированное произведение. Но проходит эпоха, мы забываем отчество тирана, нечетко помним, кто кого преследовал... «Семен Котко» при всей его конъюнктурности, безусловно, прокофьевский шедевр. Юрий Александров поставил спектакль без модной нынче издевки над идейным содержанием и сталинской эстетикой. Он заменил ее болью за изуродованное поколение родителей. Этот заряд в опере очень силен. Музыка дает шанс такого осмысления.

— Питерцев тоже ждет какое-нибудь радикальное ретро?

— Большой везет свои хрестоматийные вещи: «Лебединое озеро» в версии семидесятых и «Евгения Онегина» в версии сорок четвертого года. Но! Реконструкцией занимались сами Григорович и Поповский. То есть живой классик приходит и воскрешает свой же спектакль. Это дает интересную информацию о состоянии Большого театра сегодня, о его векторе.

— Между этими театрами — давнее соперничество. Интересно, легко ли их главы согласились на такую рискованную рокировку? Конкурирующие стены невольно подчеркнут их различия. А вдруг не в чью-то пользу?

— Да, совсем недавно ревность была огромная. Но сегодня это уже позади. Новое руководство Большого — это принципиально другая эпоха, без мании преследования. Оба театра проявили потрясающую готовность. Каждый нашел возможность что-то отменить в уже сверстанных репертуарных планах. А ведь в график, например, Гергиева не просунешь и ногуть. Пожелай кто-то из них уклониться, безукоризненный повод нашелся бы без усилий. Эти обменные гастроли — продукт не просто непротивления сторон, а их активного желания.

— Но удовольствие стоит страшно представить сколько. И чьей же щедрости мы обязаны — государственным или коммерческим структурам?

— И тем, и тем. «Золотая маска» и в своих дочерних проектах придерживается железного принципа — соблюдать паритет между частными и министерскими деньгами. Мы не хотим превращаться в независимое от бюджетных денег предприятие. Главным спонсором культуры должен быть Минкульт. Это дает и средства и статус. С другой стороны, невнимание бизнеса к процессу — показатель того, что акция забюрократизирована, носит протокольный характер мероприятия для галочки. Наличие с одной стороны такого гиганта, как «Роснефть», и Минкульта с другой стороны — идеальное равновесие.

● **Арина ЯКОВЛЕВА**